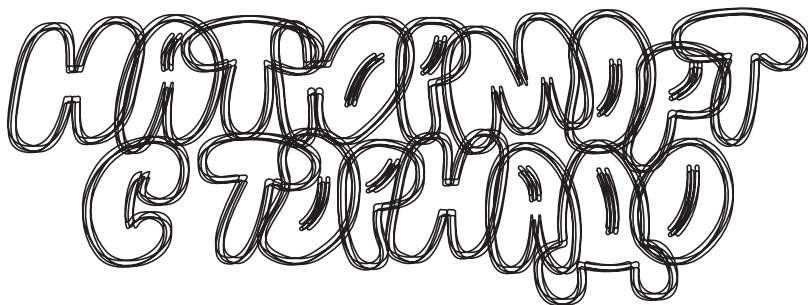




A.S.KING

STILL LIFE
WITH
TURNOVER

ЭСКИТ



*Перевела с английского
Екатерина Юнгер*

POPCORN BOOKS
Москва

УДК 821.111
ББК 94.4(4Вел)
К41

STILL LIFE WITH TORNADO
By A. S. King

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя

Кинг, Э.

К41 Натюрморт с торнадо : роман / Э. С. Кинг ; пер. с англ. Е. Юнгер. — Москва : Porcorn Books ; Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-208072-2

«Я человек. Мне шестнадцать лет».

Но на самом деле Сара — это сразу несколько людей. И только одной из них шестнадцать.

Родители уверены: Сара — талантливая художница с большим будущим. Однако теперь она не может нарисовать даже свою руку. А тут у нас десятилетняя Сара — грубая, обгоревшая на солнце, с ясными воспоминаниями о семейной поездке в Мексику, которая разрушила ее семью. Правда, она еще ничего по сравнению с двадцатитрехлетней Сарой: стильные пряди и отвратительный характер. И, конечно, есть сорокалетняя Сара — та, что готовит отличный сырный соус, не носит бюстгальтер и требует, чтобы шестнадцатилетняя Сара рассказала правду о своей учительнице рисования.

Все они бродят по Филадельфии вместе с бездомным художником, которого предположительно зовут Эрл, — и все обеспокоены будущим Сары.

Но проблема вовсе не в будущем, а в настоящем.

УДК 821.111
ББК 94.4(4Вел)

Copyright © 2016 by A.S. King
Cover art copyright © Carolina Fuenmayor, 2025
© Екатерина Юнгер, перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-04-208072-2 ООО «Издательство «Эксмо», 2025. Porcorn Books®

Посвящается Джулии

Чем дальше забредать в правду, тем она глубже.

Банкэй Ётаку

Все, что ты можешь вообразить, — реально.

Пабло Пикассо

ТОРНАДО

Никогда ничего не происходит.

Ну, если точнее, никогда не происходит ничего нового.

Моя учительница по изобразительному искусству, мисс Смит, как-то сказала, что на свете не существует оригинальных идей. Мы все считаем, что наши идеи оригинальны, но это не так. «Ты ходишь по кругу. Я хожу по кругу. Мы все ходим по кругу». Так она сказала. А потом перекинула волосы через плечо, как будто эта фраза ничего не значила, и велела нам остаток урока разбирать всякое барахло, которое ей жертвуют на наши арт-проекты. Она взяла половину виниловой пластинки и показала классу. «Все, что мы считаем оригинальным, — как эта пластинка. Обломок чего-то другого».

Две недели назад Кармен заявила, что у нее появилась оригинальная идея, и нарисовала торнадо. Но в торнадо нет ничего оригинального. Торнадо такие древние, что небо создавало их даже до того, как появились мы. Кармен сказала, что

на наброске изображено не торнадо, а все, что оно в себе содержит. Я увидела только вихрь пыли. Она сказала, что там внутри машина. Сказала, что там любимый домашний питомец. Колесо телеги. Обломки дома. Пачка молока. Фотоальбомы. Коробка лежалых кукурузных хлопьев.

Я видела только вихрь, и все остальные тоже, и Кармен сказала, что мы просто плохо смотрим. Она сказала, что искусство нельзя воспринимать буквально. Но это не отменяет того факта, что на наброске было нарисовано торнадо, и все.

Нашим следующим заданием было нарисовать натюрморт. Мисс Смит принесла три миски фруктов и сказала, что мы можем расставить их как хотим. Я взяла грушу, уставилась на нее, уставилась на свой альбом — и ничего не нарисовала.

Я вела себя спокойно, как будто просто задумалась, но на самом деле меня парализовало. Кармен посмотрела на меня, и я пожала плечами, как будто мне все равно. Я не могла пошевелить рукой. Я вся оцепенела. Я была готова заплакать. Я часто так себя чувствую, и не только на занятиях рисованием.

В конце занятия я подала мисс Смит пустой лист и сказала:

— Я потеряла желание участвовать.

Мисс Смит думала, что я говорю о занятии. Но я имела в виду, что потеряла желание участвовать во всем. Я хотела стать листом бумаги. Белее белого. Пустее пустого.

На следующий день мисс Смит сказала, что мне стоит заняться слепыми зарисовками своей руки. Слепая зарисовка — это когда ты рисуешь, не глядя на бумагу. Я сделала двенадцать таких. А потом задумалась, сколько человек на свете делало слепые зарисовки своих рук, и поняла, что это самое неоригинальное занятие в мире.

Она сказала:

— Но это же *твоя* рука. Никто другой ее не нарисует.

Я ответила, что никогда ничего не происходит.

— Никогда ничего не происходит, — сказала я.

Она согласилась:

— Это, пожалуй, правда.

Она даже не подняла взгляд от бумаг, которые листала. У мисс Смит были голые плечи — уже загоревшие, а ведь еще и половины апреля не прошло. Я стояла и смотрела на ее плечи и думала, что Никогда ничего не происходит. Много чего происходило с мисс Смит. Это я знала.

У меня дрожали руки, потому что я не смогла нарисовать грушу. Она подняла глаза, и я знаю, что она увидела, как я дрожу. Она могла бы что-нибудь сказать. Что-нибудь приятное. Что-нибудь утешающее. Вместо этого она повторила:

— Это, пожалуй, правда.

И я перестала ходить в школу.

Это правда — насчет того, что, если перестать ходить в школу, тебе начинают слать письма. Где-то через неделю тебя ловят и отводят на встречу с директором. Но это все уже было, совсем как торнадо, и ни капли меня не впечатлило. Родители проводили меня в школу и сто раз извинились за мое поведение, но я не извинилась ни разу.

Я не смогла придумать ни одной оригинальной реакции на встречу с директором. Извиняться, плакать, кричать, плевать, драться, молчать — все это не оригинально. Я попыталась левитировать. Я попыталась самовозгореться, как просроченный фейерверк.

Вот *это* было бы оригинально.

ОСТАНОВКА АВТОБУСА

Я на автобусной остановке в двух кварталах от школы, идет дождь, я забралась как можно глубже под навес, и я не думаю и не делаю ничего оригинального. Я еду в ратушу, сменить имя. Все еще ничего оригинального, но по крайней мере я больше не буду Сарой.

Папа сегодня утром находился в бодром расположении духа. Он сказал:

— Вот бы ты провела эти дни с пользой. Нарисовала что-нибудь, слепила. Тогда по крайней мере сделала бы что-то продуктивное. — Он не слышал пустоты между слов. Он не слышал паузы между нот. — Но я знаю, что сегодня ты в школу идешь, — у нас ведь уговор, так?

Уговор. Жизнь с папой — это череда уговоров. Он думал, что я поеду на автобусе в школу, и я и правда еду на автобусе, но не в школу. Я слезла на остановку раньше, чтобы пересесть на другой автобус, как и восемь дней до этого. Я могла бы колотиться [REDACTED], или баловаться [REDACTED], или курить [REDACTED]. Я могла бы флиртовать после школы

с мальчиками, как нормальные девочки. Я могла бы забеременеть. Конечно, все это не оригинально, но зато я бы проводила время *с пользой и продуктивно*, а это как раз то, чего хочет папа. Сейчас я еду в ратушу.

Я пока не знаю, какое имя выберу. У меня есть еще двадцать минут, чтобы решить. Вместо этого я ловлю свое искаженное отражение в окнах проезжающих машин и думаю о том, как люди тайком бегут в ратушу и женятся, никому не говоря ни слова. Я делаю так же, только я сбегая сама с собой. С новой мной. Я выйду оттуда с новым именем, но у меня останется то же лицо, и все будут звать меня Сара, но на самом деле я буду той, кем решу стать. Я запутаю администрацию социального обеспечения. Мой номер будет соответствовать другому имени. Я не скажу родителям, какое у меня новое имя. Я даже себе не скажу.

Женщина подходит к остановке и садится рядом со мной. Она говорит «привет», и я говорю «привет», и это тоже ужасно неоригинально. Я смотрю на нее и вижу, что она — это я. Рядом со мной сижу я. Только она выглядит старше, и на лице у нее такое выражение, как будто у нее только что появился щенок: отчасти влюбленность, отчасти усталость — от того, что щенка надо воспитывать. Но влюбленности больше. Она говорит:

— Ты была права насчет слепых зарисовок рук. Только ленивый этого не делал, так?

У меня раньше не бывало галлюцинаций.

Я говорю:

— Ты галлюцинация?

Она говорит, что нет.

Я говорю:

— Ты... это я?

— Да. Я — это ты, — соглашается она. — Через семь лет.

— Мне двадцать три? — спрашиваю я.

— *Мне* двадцать три. Тебе только шестнадцать.

— Почему ты такая счастливая?

— Я перестала переживать об оригинальности.

Когда подъезжает автобус, она садится в него вместе со мной и, чтобы доказать, что настоящая, останавливается и платит за проезд. В автобусе две Сары. Мы едем в ратушу.

— Мы тайно сбегает в ратушу, — говорит она.

Я не знаю, что думать. Вот так выглядит тайный побег с новой мной? Поездка в ратушу на автобусе вместе со мной? Как мне обмануть администрацию социального обеспечения при свидетеле? Даже если свидетель — я сама? Я пытаюсь сосредоточиться на именах, которые мне нравятся. Станных именах. Удивительных именах. Я ничего не могу придумать. Я просто смотрю на двадцатитрехлетнюю Сару, и в голове крутится одно имя. Сара. Сара. Сара. Мне не убежать от себя.

КАК ХОЧЕШЬ

И вот я в автобусе с двадцатитрехлетней Сарой. Мне отсюда никуда не деться. У нее модная стрижка и мелирование. Мои волосы уныло висят длинными тонкими прядями, как и всегда. Это не мешает окружающим смотреть на нас, как будто мы сестры-близнецы. Она комедия, а я трагедия. Даже в этой мысли нет ничего оригинального.

Она говорит:

— Но если серьезно, ты же не будешь менять имя, да?

— Это ты мне скажи, — говорю я.

Она снова улыбается, и меня подмывает велеть ей не улыбаться так часто. У нас совершенно непримечательная улыбка, и это меня раздражает.

— Я все еще Сара, — говорит она.

— А я все еще собираюсь в ратушу, — говорю я.

— Я не против.

— Не хочу, чтобы ты шла со мной.

Она усмехается:

— Ты в принципе пока не можешь сменить имя. Тебе всего шестнадцать.